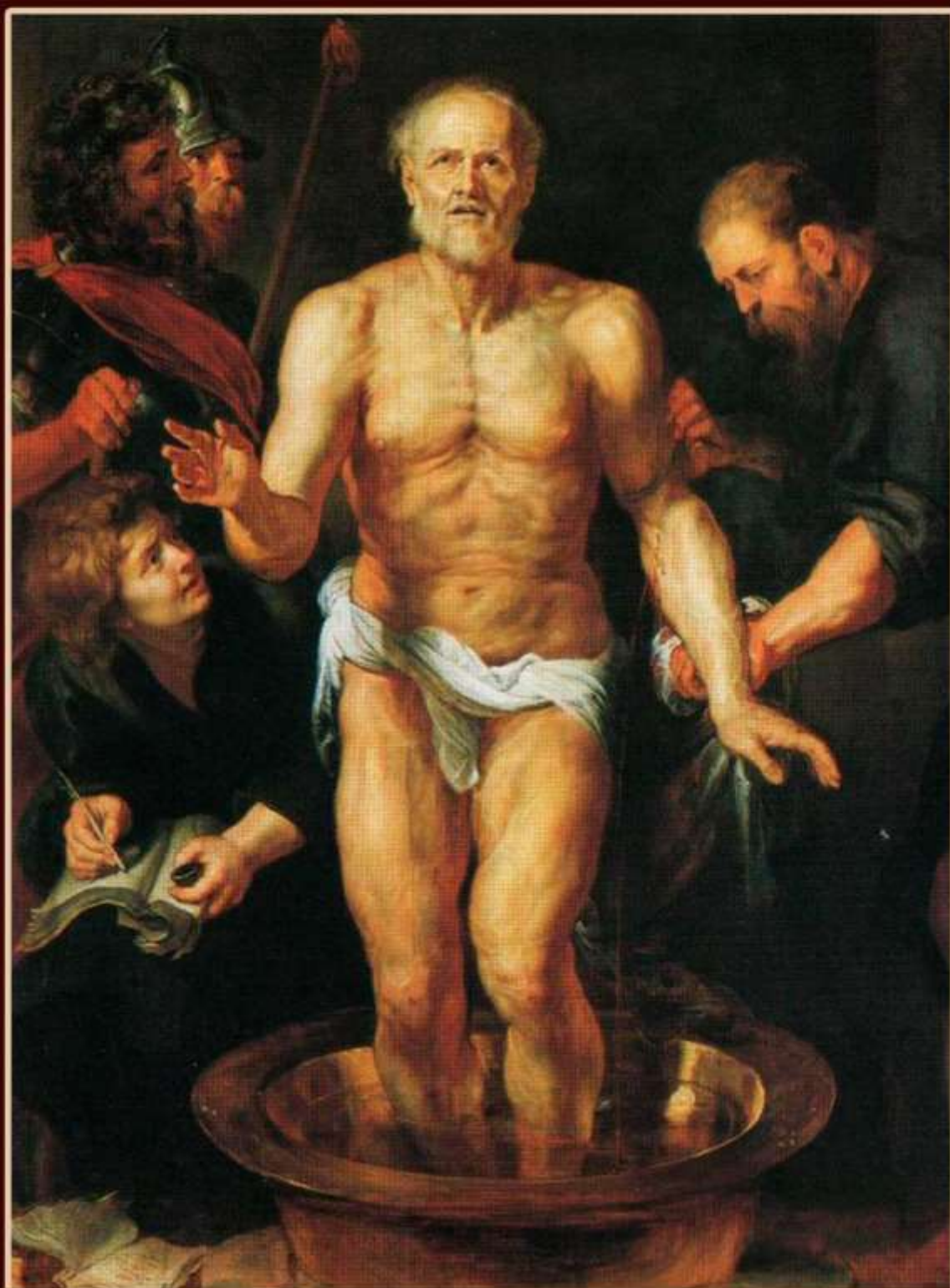

ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА

О БЛАГОДЕЯНИЯХ

*«О благодеяниях» — произведение римского философа — стоика, поэта и государственного деятеля Луция Аннея Сенеки (4 до н. э. — 65).****

Это философский трактат из семи книг. В акте добровольного благодеяния автор видит единственную надежную основу взаимоотношений между людьми. Для человека всякое благодеяние есть добродетельный поступок, награда за который — в нем самом, даже если за благодеяние не платят благодарностью.

Новые поколения признали Сенеку «одним из популярнейших в свое и последующие времена римских писателей». Его учение содержит в себе такие элементы морали, каких нельзя найти ни у кого из античных писателей и которые приближают его к учению христианства.

Трактат «О благодеяниях», по справедливому замечанию Дидро, «представляет собою прекраснейшее произведение, составленное для пользы не одного Нерона и Либералия, но и всех людей».

Луций Анней Сенека О БЛАГОДЕЯНИЯХ

Семь книг к Эбуцию Либералию

*В квадратных скобках проставлена нумерация параграфов по латинскому оригиналу.
Используется греческий шрифт.*

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

[1] Среди многих и разнообразных заблуждений людей, живущих безрассудно и необдуманно, мне кажется, досточтимый Либералий, нет почти ничего более опасного, как то, что мы не умеем ни давать, ни принимать благодеяний. Благодеяния же, худо оказанные, обыкновенно худо и принимаются, и если нам их не возвращают, то поздно жаловаться: мы потеряли их в тот самый момент, когда давали. И неудивительно, если среди наиболее распространенных и наиболее тяжких пороков чаще всего встречается неблагодарность. [2] Это, очевидно, зависит от многих причин, и, во-первых, — от того, что мы не выбираем людей, которые были бы достойны благодеяния, но, имея в виду приобрести должников, тщательно собираем сведения относительно их родовых имений и движимого имущества. Мы не бросаем семян на истощенную и бесплодную почву, благодеяния же скорее безо всякого разбора разбрасываем, чем даем. [3] И нелегко сказать, что хуже: не сознавать благодеяния или требовать его обратно, ибо благодеяние есть долг такого рода, что из него следует возвращать только то, что охотно возвращается; тяготиться им весьма постыдно по той причине, что для оправдания доверия (в этом случае) нужны не материальные средства, а душа. Благодеяние возвращает тот, кто охотно сознает его. Но если и лежит вина на тех, кто даже в сознании не воздает благодарности, то не безвинны и мы. [4] Много мы встречаем неблагодарных, но еще более сами делаемся такими. В одном случае мы бываем сурово требовательны и притязательны, в другом — легкомысленны и очень скоро раскаиваемся в своем благодеянии, в третьем — бываем сварливы и жалуемся, когда упускают малейшую возможность нам уплатить. Таким образом мы отравляем всякую благодарность не только после того, как оказали благодеяние, но и в тот самый момент, когда оказываем. [5] В самом деле, кто из нас бывал доволен, когда его просили недостаточно усердно или только однажды? Кто, замечая, что к нему хотят обратиться с просьбой, не нахмуривал бровей, не отвращал лица, не притворялся занятым и длинными речами, намеренно бесконечными, не отклонял удобного для просьбы случая, не избегал, при помощи разнообразных хитростей, людей, прибежавших к нему со своими нуждами? [6] Будучи же застигнут в безвыходном положении, кто не старался оттянуть времени, давая этим осторожный отказ, или хотя и обещал, но через силу, нахмуривав брови, сердито и едва выговаривая слова? [7] Но ведь никто охотно не признает себя должником в том случае, когда он не получил, а вынудил. Может ли кто быть благодарен тому человеку, который гордо бросил благодеяние, с гневом выкинул его или оказал его уже после того, как утомился, с тем только, чтобы избежать докучи? Ошибается, кто питает надежду на благодарность со стороны того, кого он изнурил проволочками, измучил ожиданием... [8] Благодеяние принимается с таким же чувством, с каким оказывается; посему не следует оказывать его с пренебрежением. Ведь каждый бывает обязан только самому себе тем, что он получил от другого (как бы) без его ведома. [9] Не следует быть и медленным, ибо кто медленно делал, тот, очевидно, долго не имел охоты делать, а во всяком деле дорого ценится охота. В особенности же благодеяние не должно быть оскорбительным. В самом деле, если природа устроила так, что обиды оставляют более глубокий след, чем благодеяния, и последние скоро исчезают из памяти, тогда как первые надолго в ней остаются, то чего ждать тому, кто, оказывая благодеяние, причиняет обиду? Подобному человеку достойную благодарность воздает тот, кто забывает его благодеяние. Не должна охлаждать в нас усердия к благотворительности и масса людей неблагодарных. Ибо, во-первых, мы сами, как я сказал, увеличиваем ее. Во-вторых, сами бессмертные боги не получают отвращения к своей щедрой благотворительности, несмотря на существование святотатцев и людей, с пренебрежением к ним относящихся. Они продолжают поступать сообразно своей природе и оказывают свою помощь всему, между прочим, и тем самым людям, которые плохо понимают их благодеяния. Последуем их примеру, насколько это позволит человеческая немощь; станем дарить благодеяния, а не отдавать в рост. Вполне достоин быть обманутым тот, кто, давая, помышляет об уплате.

«Благодеяние худо принято». [10] Но ведь и дети и супруги обманывали наши надежды, тем не менее мы и воспитываем, и женимся, и до такой степени идем наперекор опыту, что, раз испытав поражение, снова ведем войны, раз потерпев кораблекрушение, снова пускаемся в море. Насколько более благородно быть

постоянным в благодеяниях! Кто не оказывает благодеяний по той причине, что не получает их обратно, тот, очевидно, оказывает их с целью возратить; этим он дает благовидный предлог для неблагодарных. Однако и сим последним людям постыдно отказывать в благодеяниях, хотя они того и заслуживают. [11] Сколько недостойных света — однако день настает, сколько жалуются на то, что они родились, однако природа производит новые поколения и терпит существование тех, которые сами лучше бы желали вовсе не жить! [12] Возвышенной и доброй душе свойственно искать не плодов благодеяний, но самих благодеяний, и среди худых людей отыскивать хороших. Какое было бы величие в том, чтобы приносить пользу многим, если бы никто не обманывал? Добродетель в данном случае заключается в оказании благодеяний безо всякого расчета на их обратное возвращение. Плоды благодеяний пожинаются благородным человеком немедленно. [13] Неблагодарность не должна смущать нас и поселять апатию к столь прекрасному делу, так что, если бы у меня даже совсем была отнята надежда найти благодарного человека, то и в таком случае я предпочел бы лучше не получать благодеяний обратно, чем не оказывать их. Ибо кто не оказывает благодеяний, тот предваряет проступок неблагодарного. Выскажу свою мысль: кто не возвращает благодеяния, тот погрешает более, кто не оказывает, тот — скорее¹.

Глава 2

[1] «Когда станешь расточать благодеяния толпе, то много их надо потерять, чтобы однажды (сделать) положить хорошо»².

В первом стихе ни с чем нельзя согласиться, во-первых, потому что благодеяний не следует расточать толпе, а во-вторых, потому, что расточительность вообще не заслуживает похвалы, тем более в благодеяниях. Если оказывать благодеяния, не руководясь рассудком, то они перестают быть таковыми и получают какое-либо другое имя. [2] Заслуживает внимания второй стих, где одно удачно оказанное благодеяние рассматривается как вознаграждение за убытки, причинные потерю многих. Но посмотри, прошу тебя, не будет ли и более близким к истине, и более сообразным с достоинством добродетельного человека посоветовать ему оказывать благодеяния даже в том случае, когда нет надежды ни одного оказать удачно. Дело в том, что неосновательно предположение, будто бы «много (благодеяний) надо потерять»...

Ни одно (благодеяние) не пропадает, так как, кто теряет его, тот, очевидно, рассчитывал заранее (на прибыль). [3] Смысл благодеяний прост: их только дарят; если что возвращается, то уже прибыль, не возвращается — нет убытка. Благодеяние оказано для благодеяния. Никто не записывает благодеяний в долговую книгу³ и не напоминает о них каждый день и час подобно жадному заимодавцу. Добрый человек никогда и не думает о них, если не напомнит лицо, возвращающее (долг). В противном случае благодеяние принимает вид ссуды. Записывать благодеяния в расход — постыдное ростовщичество. [4] Что бы ни случилось с первыми твоими дарами — продолжай раздавать их; лучше, если они будут находиться у людей неблагодарных, которых со временем стыд, или какая-нибудь случайность, или подражание могут сделать благодарными. Не отступай: продолжай свое дело и стремись к жребию мужа добродетельного. Подавай помощь: кому средствами, кому кредитом, кому расположением, кому советом, кому полезными наставлениями. [5] Звери и те сознают за собою обязанности. Нет ни одного дикого животного, которого бы нельзя было приручить и привязать к себе посредством заботливого ухода. Так укротители безнаказанно касаются пасти львов; диких слонов, при помощи корма, приручают до такой степени, что они послушно отправляют работы⁴. Таким образом, постоянные благодеяния покоряют даже существ, лишенных разума и способности оценить их. С неблагодарностью отнеслись к твоему первому благодеянию? Ко второму уже так не отнесутся. Забыли о том и о другом? Третье приведет на память и забытые!

¹ «*Qui beneficium non rededit, magis peccat, qui non dedit*» — Первый погрешает по той причине, что, уже будучи должен, — не возвращает, а последний — по той, что не одождает. Таким образом, первый совершает проступок — более тяжкий, а последний — по времени более ранний и, как сказано: «предваряет проступок неблагодарного».

² Одни из комментаторов приписывают этот стих Аксию, знаменитому римскому трагику, другие — некоему Сиру, сочинителю комедий.

³ *In calendario*. Так называлась домовая книга, где отмечалась ежемесячная уплата процентов.

⁴ Пойманные слоны обыкновенно укрощались голодом и привязывались к тем, кто подавал им после того пищу (*Плиний*).

Глава 3

[1] Благodeяния теряет тот, кто скоро приходит к убеждению, что их потерял⁵. Но кто сохраняет постоянство и прежние благodeяния умножает новыми, тот исторгает благодарность даже из жесткого и неблагодарного сердца. Неблагодарный на многое не посмеет поднять очей. Куда бы он ни обратился, убегая от своей совести, пусть всюду видит тебя. Свяжи его узами своих благodeяний!

[2] Теперь я обращусь к рассмотрению сущности и свойств благodeяний, если ты дозволишь мне, предварительно, вкратце упомянуть о том, что не имеет прямого отношения к делу. Почему граций три, почему они между собою сестры, для чего они сплелись руками, для чего улыбаются, для чего они (изображаются) девы и одеты в просторную и прозрачную одежду?⁶

[3] Некоторые утверждают, что одна из них изображает дающую благodeяние, другая принимающую, третья возвращающую обратно. Иные видят в них олицетворение трех родов благodeяний: дарования, возвращения, дарования и возвращения вместе. [4] Но признаешь ли ты верным то или другое объяснение — какая нам будет польза от этого знания? Что означает хоровод граций, сплетшихся руками и обращенных лицами одна к другой? То, что благodeяния, переходя в последовательном порядке из рук в руки, тем не менее в конце концов снова возвращаются к дающему их. Порядок этот совершенно разрушается, как скоро раз бывает нарушен, и, наоборот, принимает в высшей степени прекрасный вид, как скоро бывает сохранен и удержана в нем (последовательность) взаимность. [5] Грации улыбаются: это по той причине, что лица тех, которые дают или принимают благodeяния, бывают обыкновенно радостны. Они — юны, ибо воспоминание о благodeяниях не должно стареть. Они девы, ибо (благodeяния) непорочны, чисты и святы для всех. В благodeяниях ничего не должно быть невольного, связанного или принужденного — вот почему грации одеты в просторные туники, и притом в прозрачные, ибо благodeяния требуют того, чтобы их видели.

[6] Положим, что кто-нибудь и увлекся греками до такой степени, что считает необходимым говорить и об этом, однако никого не найдет, кто бы признал относящимся к делу говорить о тех именах, какие дал грациям Гесиод. Старшую он назвал Аглаей, среднюю — Евфросиной, младшую — Талией. Эти имена каждый, по своему усмотрению, изменяет и старается найти им какое-нибудь объяснение, тогда как на самом деле Гесиод дал названия своим девам по личному усмотрению. [7] Таким же образом Гомер переименовал наименование одной грации, назвав ее Пасифеею, и выдал ее замуж, дабы знали, что они не весталки⁷. Найду я и другого поэта, у которого грации являются опоясанными и одетыми в фригийские⁸ одежды. Подобным образом они изображаются и вместе с Меркурием, не потому, что благodeяния восхваляются разумом или красноречием, но потому, что так заблагорассудилось художнику. [8] Равно и Хрисипп, который обладает остроумием, тонким и проникающим в глубину самой истины, который говорит только ради дела и употребляет слов не больше того, сколько их надо, всю свою книгу наполнил подобными глупостями, так что весьма мало рассуждает (о самом) способе оказания, принятия и возвращения благodeяний и так, что не басни он помещает в качестве приложения к этим рассуждениям, а самые рассуждения — в качестве приложения к басням. [9] Так Хрисипп, сверх того, о чем писал Гекатон, сообщает, что три грации доводятся дочерьми Юпитеру и Юноне, что они летами моложе Гор, но милевиднее их лицом и по сей причине даны в спутницы Венере. Равным образом он считает относящимся к делу и название их матери: Эвринома⁹, по его мнению, названа так потому, что раздача благodeяний свойственна людям, обладающим богатым состоянием, — как будто существует обычай давать матери имя после дочерей или как будто поэты передают настоящие имена. [10] Как номенклатор вместо памяти руководится смелостью и дает имена всем, кого и не знает, так и поэты не считают нужным говорить истину, но, будучи вынуждены необходимостью или соблазнившись красотой, — каждого заставляют называться таким именем, которое было бы приятным для стиха. И для них нет обмана, когда они что-нибудь привносят в свою запись: так как ближайший (по времени) поэт заставлял их (т. е. граций) носить свое (выдуманное им) название. Вот тебе доказательство этого: Талия, когда о ней по преимуществу идет речь, у Гесиода называется Харитою, а у Гомера — Музою.

⁵ Ср.: Plin. ерр. III, 4: «Природа устроила так, что прежние благodeяния забываются, если не напоминать о них новыми. Люди, которые многим нам обязаны, если раз в чем-нибудь им отказать, помнят только о том, в чем было им отказано».

⁶ В таком виде обыкновенно рисовали граций живописцы и изображали скульпторы.

⁷ Пасифея была выдана замуж за Сон, а Харита — за Гефеста.

⁸ Сотканые из фригийской шерсти и украшенные шитьем, которое впервые введено фригийцами, как полагает Плиний.

⁹ От греч. ευρός — *широкий* и νεμεσσαι — *раздавать*.

Глава 4

[1] Чтобы самому не делать того, что порицаю, опущу все, не относящееся к делу и не имеющее ровно никакого отношения к предмету речи. Только ты защищай нас, как скоро кто-нибудь станет упрекать нас в том, что мы заставили стать наряду с прочими Хрисиппа, человека поистине великого, но тем не менее грека, остроумие которого слишком тонко изощряется и часто обращается против него самого. Даже и в том случае, когда он, по-видимому, нечто делает (серьезно), он колет, а не пронзает.

Какого же рода красноречие потребно в данном случае? [2] Здесь следует говорить о благодеяниях и подвергнуть систематическому обсуждению то действие, которое служит главнейшим связующим звеном для человеческого общества. Надлежит дать норму жизни, дабы под видом щедрости не пленяло нас необдуманное легкомыслие и дабы (с другой стороны) это самое обсуждение, умеряя, не останавливало благотворительности, которая не должна ни совершенно отсутствовать, ни впадать в излишество. [3] Следует учить (людей) — с охотою получать, с охотою возвращать и ставить для себя важной задачей — не только сравниваться делами и душевным расположением с теми, кому они обязаны, но и превосходить их, потому что тот, на ком лежит обязанность воздать благодарность, никогда не сквитается (со своим благодетелем), если не превзойдет его. Одним следует внушать, чтобы они были чужды всяких расчетов, другим, чтобы считали за собою более долгов.

[4] К сему-то благороднейшему состязанию, состоящему в том, чтобы благодеяния побеждать благодеяниями, и призывает нас Хрисипп при помощи таких рассуждений. По его словам, следует опасаться, как бы малым воздаянием благодарности не оскорбить святыни, ибо Хариты — дочери Юпитера, и не нанести обиды столь прекрасным девам. [5] Ты преподай мне какое-нибудь из таких наставлений, благодаря которым я стал бы более благодетельным и более благодарным в отношении к тем, кто мне оказывает благодеяния, — благодаря которым благодетели и облагодетельствованные вступали бы между собою в духовное состязание, — так чтобы оказавшие (благодеяния) забывали, а должники сохраняли живое воспоминание. Все же выдумки, о которых было говорено выше, пусть остаются на долю поэтов, назначение которых в том и состоит, чтобы услаждать слух и сплетать интересные басни. [6] Напротив — те, кто желает врачевать умы, поддерживать доверие в отношениях людей и утверждать в душе их сознание долга, пусть говорят языком серьезным и берутся за дело с большими силами, если только не считают возможным при помощи пустых и вздорных речей и бабьих аргументов пресечь такое опаснейшее зло, как полное забвение благодеяний (*beneficiorum novas tabulas*).

Глава 5

[1] Насколько необходимо обойти всё излишнее, настолько же необходимо доказать, что нам прежде всего надлежит исследовать, в чем состоит наш долг при получении благодеяния. Ибо один утверждает, что его долг состоит в тех деньгах, которые он получил, другой, что (его долг) состоит в совете, третий — в должности, четвертый — в управлении провинцией. [2] Но все это — только знаки благодеяний, а не самые благодеяния. Благодеяния нельзя осязать рукою: оно заключается в душе. Существует большая разница между материею благодеяния и самим благодеянием. Посему благодеяние заключается не в золоте, не в серебре и не в каком-либо другом из предметов, сльвущих весьма ценными, но в самом расположении дающего. Люди неопытные обращают внимание только на то, что бросается в глаза, что дается и становится предметом обладания, и, напротив, мало ценят то, что на самом деле дорого и ценно. [3] Всё, чем мы владеем, что мы видим и к чему прилепляется наша похоть, — (непрочно) преходяще; судьба или неправда могут у нас отнять это: благодеяние же продолжает пребывать и после утраты того предмета, чрез посредство которого оно было оказано. А чего никакая сила не может упразднить, то сделано надлежащим образом. [4] Я выкупил у пиратов своего друга — его схватывает другой враг и заключает в темницу: он (в данном случае) уничтожает не благодеяние, но пользу, проистекшую от моего благодеяния. Я возвратил кому-нибудь детей, спасенных во время кораблекрушения или пожара, но их похитила болезнь или какое-нибудь случайное несчастье: и с их утратою продолжает пребывать то, что оказано чрез них. [5] Таким образом, все, ложно усвояющее себе имя благодеяния, служит лишь вспомогательным средством, при помощи которого проявляется дружественное расположение. То же бывает и в других случаях, где различается внешний вид и самая сущность дела. Император жалует кого-нибудь ожерельями и венками, которые даются за вступление на стену неприятельского города (*corona murali*) или за спасение жизни гражданина (*corona civica*). [6] Что такого ценного заключают в себе: венок, расшитая тога (*praetexta*), ликторские связки, трибунал или колесница? В них заключается не самая почесть, а только внешние знаки почестей. Подобным образом и то, что представляется нашим взором, не само благодеяние, но лишь след и знак благодеяния.

Глава 6

[1] Итак, что же такое благодеяние (само по себе)? Благодетельное действие, которое дает радость (другим) и, давая, получает ее, действие, совершаемое с готовностью, охотно и по собственной доброй воле.

По сей причине важно не то, что делают или что дают, но то, с каким расположением духа это совершают, ибо в этом-то расположении лица, дающего или делающего, и состоит самое благодеяние, а не в том, что дают или делают. [2] Большую разницу между тем и другим можно видеть уже из того, что благодеяние всегда остается благом, тогда как то, что делается или подается, — не благо и не зло. Дух возвышает малое, очищает нечистое и лишает цены великое и слывшее ценным; само же по себе то, к чему стремятся, не имеет никакой природы: ни доброй, ни злой; важно то направление, какое дает ему виновник действия, от которого зависит назначение предметов. [3] Самое благодеяние состоит не в том, что составляет предмет исчисления и раздачи, подобно тому, как не в самих жертвах состоит почитание богов, хотя бы они были тучны и блестили золотом, но в благочестивом и непорочном (расположении) настроении духа молящихся. Таким образом, люди добродетельные бывают благочестивыми даже и в том случае, когда их приношение состоит из одних зерен и похлебки, а злые, наоборот, не оставляют нечестия, хотя бы и обильно орошали кровью алтари.

Глава 7

[1] Если бы благодеяния заключались в предметах, а не в самом расположении души того человека, который их оказывает, то они становились бы (для нас) тем важнее, чем важнее то, что мы получаем. Но это ложно: нас всегда наиболее одолжает тот, кто малое дал великолепным образом, кто душою сравнялся с богатством царей, кто дал немного, но охотно, кто, увидав мою бедность, забыл о своей, кто возымел не только охоту, но (даже) и горячее желание оказать мне помощь, кто счел себя облагодетельствованным, когда оказывал благодеяние, кто дал так, как бы и не думал о возвращении и, получив обратно, — как бы и не давал, кто нашел и стремился найти удобный случай для помощи.

[2] Напротив, с неблагодарностью относятся к тому, что, как я сказал, насильно вымогается или случайно перепадает от дающего, хотя бы это казалось по содержанию и по внешнему виду великим. [3] С гораздо большей благодарностью принимают то, что подается ласковой, чем то, что подается полной рукой. Один мне дал немного, но больше он и не мог! А другой дал и много, но зато колебался, медлил, давая, вздыхал, подал гордо, выставил это напоказ и желал угодить (вовсе) не тому, кому давал: давал он для (своего) честолюбия, а не для меня.

Глава 8

[1] Когда многие приносили Сократу большое вознаграждение, каждый сообразно со своими средствами, — Эсхин, его бедный ученик, сказал: «Я ничего не нахожу достойного тебя, что мог бы тебе дать, и в этом одном отношении сознаю себя бедняком. Посему вручаю тебе одно, что имею: себя самого. Прошу тебя благосклонно принять этот дар, каков бы он ни был, и подумать, что ведь другие хотя и давали тебе много, но еще более оставляли себе». Сократ на это отвечал: [2] «Разве ты не сделал мне дорогого подарка, — если только сам не ценишь себя низко? Посему я позабочусь о том, чтобы возратить тебя самому тебе лучшим, чем взял». Этим приношением Эсхин превзошел самого Алкивиада, духовные богатства которого равнялись его материальным (богатствам), и всю щедрость богатых юношей¹⁰.

Глава 9

[1] Видишь, как дух находит средства для благотворительности, даже находясь среди затруднительных обстоятельств? На мой взгляд, Эсхин своими словами выразил такую мысль: «Ничего ты не достигла, судьба, пожелав, чтобы я был беден: несмотря на то, что у меня найдется наготове подарок, достойный этого мужа, и, не имея возможности принести ему что-нибудь из твоего, — я дам свое». Не думай, чтобы он ценил себя дешево: самого себя он сделал уплатою за себя же. Талантливый юноша нашел способ, как завладеть Сократом. Надо обращать внимание не на то, что именно и какой ценности дается, но на то — кем. [2] Человек хитрый легко открывает доступ к себе людям с неумеренными желаниями и на словах ободряет смелые надежды, не имея никакого намерения помочь на деле... Но еще хуже, на мой взгляд, тот, кто с грубой речью, суровым лицом и недобрыми намерениями показывает свое богатство. Счастливец чтут и

¹⁰ Этот случай рассказывает Диоген Лаэртский (II, 34).

проклинают, а сами, питая ненависть к человеку, поступающему таким образом, думают делать то же, как скоро приобретут возможность¹¹.....

[3] Некоторые, обесчестив чужих жен, и притом не тайно, а открыто, своих собственных передали другим. Кто запретил своей жене выставляться напоказ в паланкине и быть носимою на виду зрителей, будучи открытой со всех сторон, того считают грубым, бесчеловечным и злонравным, а среди дам тот слышит худой партией. [4] Кто не заявил себя никакой любовницей и не состоит в связи с чужой женой, того женщины зовут пошлым, человеком с низкими наклонностями и любовником служанок. Вследствие этого самым приличным родом супружеского сожития считается прелюбодеяние, и никто не вступал в брачное сожитие, не уведя жены у другого, после взаимного согласия на развод. [5] Друг перед другом стараются расточать награбленное и вновь собирать расточенное с великой алчностью, не имеют ничего священного, издеваются над чужой бедностью, а своей боятся больше всякого другого зла; нарушают обидами мирное течение жизни и угнетают слабейших насилием и страхом. Неудивительно, что грабят провинции и с торгов продают продажное правосудие: ведь и варвары считают законным продавать купленное.

Глава 10

[1] Но мы стремимся далее, так как содержание речи побуждает идти вперед. Посему скажем в заключение, что вина не должна падать на наш век. И предки наши жаловались, и мы жалуемся, да и потомки наши будут жаловаться на то, что нравы развращены, что царит зло, что люди становятся все хуже и беззаконнее. Но все эти пороки остаются теми же и будут оставаться, подвергаясь только незначительному изменению, подобно тому как море далеко разливается во время прилива, а при отливе снова возвращается в берега. [2] Порою станут более предаваться прелюбодеяниям, чем другим порокам, и разорвет узы целомудрия, порою будут процветать безумные пиры и кулинарное искусство — позорнейшая пагуба для (отцовских) богатств. Порою будет распространен чрезмерный уход за телом и попечение о внешности, прикрывающее собою духовное безобразие. Будет время, когда худо управляемая свобода перейдет в нахальство и дерзость. По временам станет распространяться жестокость в частных и общественных отношениях и неистовые междоусобные войны, во время которых подвергнется профанации все великое и святое. Будет время, когда войдет в честь пьянство и будет считаться достоинством пить вино в самом большом количестве. [3] Пороки не ждут в одном месте: подвижные и разнообразные, они пребывают в смятении, подстрекают и прогоняют друг друга. Впрочем, мы всегда должны заявлять о себе одно и то же: мы злы, злыми были и, с неохотой добавлю, злыми будем. [4] Будут убийцы, тираны, воры, злободеец, грабители, святотатцы и предатели; ниже их всех неблагодарный, если не признать того, что все пороки, о которых шла речь, происходят от неблагодарной души, без которой едва ли возросло бы какое-нибудь крупное преступление. Остерегайся допускать себя до неблагодарности как до самого тяжкого проступка и забывай ее как самый легкий, если она будет допущена (в отношении к тебе).

Вся обида¹² ведь заключается в том, что ты потерял благодеяние¹³. Но для тебя осталось от него самое лучшее: (именно) ты сделал подаяние. [5] И насколько следует заботиться о том, чтобы оказывать благодеяния по преимуществу тем лицам, на благодарность со стороны которых можно надеяться, настолько же надлежит делать и оказывать некоторые (благодеяния)¹⁴ даже тем людям, на которых будет плохая надежда, и не только в том случае, когда мы станем лишь предполагать, что они окажутся неблагодарными, но и тогда, когда будем знать, что они таковыми были. Так, например, если я буду иметь возможность возратить кому-нибудь сыновей, спасенных от великой опасности безо всякого риска со стороны, то не стану колебаться (над этим). Человека достойного я буду защищать даже с потерей собственной крови и стану подвергать себя опасности, а если буду иметь возможность спасти от разбойников человека недостойного, подняв крик, то не поленюсь издать спасительного для этого человека голоса.

¹¹ Отточиями обозначены места, утраченные в дошедших до нас текстах сочинений Сенеки.

¹² *Injuriae summa*.

¹³ Т. е. предмет благодеяния (*см. главу 6*).

¹⁴ Именно такие, которые могут быть оказаны безо всякого ущерба с нашей стороны. Все подобное полезно для принимающих и неотвратимо для дающих. Ср.: *Cic. De offic. I, 16, 7–8*.

Глава 11

[1] Следует сказать, какие благодеяния надо оказывать и каким образом. Прежде всего станем оказывать необходимые, затем — полезные, потом — приятные и, по преимуществу, такие, которые могут долго сохраняться¹⁵. Начинать же надо с необходимых. Ибо различным образом достигает души то, что поддерживает жизнь, и то, что украшает ее или упорядочивает. Иной с пренебрежением может отнестись к тому, без чего он легко обойдется и о чем может сказать: «Возьми назад: не желаю этого; я доволен своим». Иногда бывает желание не только возвратить назад, но и бросить то, что получишь.

[2] Из (благодеяний) необходимых иные занимают первое место, это именно те, без которых мы не можем жить; иные — второе, это те, без которых мы не должны (жить); иные же — третье, это те, без которых мы жить не желаем. [3] К первому разряду относятся благодеяния следующего рода: спасти от рук врагов, от гнева тирана, от проскрипции¹⁶ и от иных различных и разнообразных опасностей, угрожающих человеческой жизни. Чем больше и грознее будет та опасность, которую мы предотвратим (своими благодеяниями), тем более заслужим благодарности. Ибо является представление о том, от каких зол было оказано избавление, и предшествовавший страх придает цены благодеянию. Тем не менее, — с целью придать, при помощи страха, более веса своему благодеянию, — мы не должны, однако, спасать с меньшей энергией, чем на то имеем возможность. [4] Ближайшие к благодеяниям этого рода суть те блага, без которых мы хотя и можем жить, но жить таким образом, что лучше было бы умереть. Таковы, например, свобода, целомудрие, здравый рассудок. [5] За сим будет следовать то, что нам дорого в силу связи, крови, употребления и продолжительной привычки, как-то: дети, супруги, пенаты¹⁷ и прочее, к чему душа наша привязалась до такой степени, что расстаться с ними для нее кажется тяжелее, чем с жизнью. Далее следуют благодеяния полезные, содержание которых разнообразно и обширно. Сюда будет относиться денежная (помощь), не очень обильная, но соразмерная надлежащим образом, почести и содействие лицам, стремящимся к высшим должностям, ибо нет ничего полезнее, как быть полезным для самого себя¹⁸. Прочие дары уже происходят от излишества и служат целям роскоши. В отношении к ним следует наблюдать, чтобы они были благовременны, невulgарны и притом таковы, чтобы служили предметом обладания немногих, или немногих в известное время, или если даже они недороги сами по себе, то чтобы были дороги по времени или по месту. [6] Следует иметь в виду тот подарок, который всего более доставил бы удовольствия, который чаще был бы на глазах своего владельца, дабы сей последний столь же часто пребывал с нами (мысленно), сколько пребудет с ним. Всего более следует остерегаться, чтобы не послать в дар совершенно ненужного, как, например, женщине или старику — охотничьего оружия, крестьянину — книг, или человеку, преданному ученым занятиям и литературе, (рыболовных) сетей. И наоборот, следует смотреть, чтобы, желая послать приятный подарок, не предложить каждому что-либо такое, что будет обличать его недостаток, как, например, пьянице — вино, здоровому — лекарство. Ибо то, чем изобличается порок принимающего, начинает уже быть поруганием, а не даром.

Глава 12

[1] Если выбор дара в нашей власти, то станем выбирать по преимуществу то, что может сохраняться, дабы благодеяние наше было по возможности менее преходящим. Ибо немногие чувствуют благодарность настолько, чтобы помнить о полученном ими в том случае, когда сего не видят. Людям же неблагодарным воспоминание (о благодеянии) приходит на ум вместе с самим благодеянием, тогда, когда это последнее находится пред глазами и не позволяет забыть о себе, но приводит на память и запечатлевает в ней своего виновника. И тем более нам следует выбирать такое, что может долго сохраняться, по той причине, что мы сами никогда не должны напоминать: пусть само дело пробуждает исчезающее воспоминание. [2] Я буду охотнее дарить серебро, обращенное в вещь, чем в монету, охотнее буду дарить статуи, чем одежду и такое, что уничтожается после кратковременного употребления. У немногих сохраняется благодарность, когда нет (налицо) предмета (благодеяния); больше таких людей, у которых подаренные предметы сохраняются в

¹⁵ Подобным же почти образом делит благодеяния и Аристотель. Rhetoric. 1. 5.

¹⁶ Опись имущества в казну, ссылка, изгнание.

¹⁷ Родной кров — domus paterna.

¹⁸ Т. е. всего полезнее такое благодеяние, при помощи которого мы имеем возможность принести себе пользу и заручиться помощью людей сильных.

памяти не долее того, чем в употреблении. Посему если это возможно, то я не желаю, чтобы мой дар пропал. Пусть он остается, пусть пребывает возле моего друга и живет вместе с ним. [3] Нет такого глупца, которого следовало бы убеждать, чтобы он не посылал кому-нибудь гладиаторов или охоты¹⁹, после того как зрелище было уже дано, чтобы летних одежд он не посылал зимой, а зимних — летом. Пусть при благотворении руководятся здравым смыслом и принимают в соображение время, место и лица, так как иные предметы моментами бывают то приятны, то неприятны. Насколько будет приятнее получить, если мы дадим то, чего кто-либо не имеет, чем то, что у него находится в избытке; то, чего он долго ищет и не находит, чем то, что он может увидеть везде. [4] Пусть дары будут не столько ценны, сколько редки, изысканны и притом таковы, что нашли бы себе место даже у богача. Так, например, и простые яблоки, которые немного дней спустя могут подвергаться презрению, доставляют удовольствие, если появились раньше. Не будет также оставлено без внимания (со стороны принимающих благодеяния) и то, чего не дал им никто другой (кроме нас) или чего мы не дали никому другому.

Глава 13

[1] Однажды коринфяне²⁰ чрез послов поздравляли Александра Македонского — когда покоритель Востока возмнил себя выше людей — и в качестве подарка предложили ему свой город. После того как Александр осмеял этого рода подарок, один из послов сказал ему: «Мы никому другому никогда не дарили своего города, кроме тебя и Геркулеса». [2] Тот (Александр) с охотой принял тогда предложенную ему почесть, угостив и другими способами обласкав послов, и размышлял не о тех, кто принес ему в дар город, но — о том, кому они прежде его подарили. И человек, увлекшийся славой, сущности и меры которой сам не понимал, — человек, следовавший по стопам Геркулеса и Вакха и не останавливавшийся даже там, где этих следов не было, перенес свой взор от принесших ему дар к тому, кто удостоился подобной же почести, как будто благодаря тому, что был сравнен с Геркулесом, он уже достиг неба, которое обнимал своими весьма пустыми мыслями. [3] В самом деле, какое сходство с оным, т. е. Гераклом, имел сумасбродный юноша, у которого вместо добродетели (*virtus*) было счастливое безрассудство. Геракл²¹ ничего не победил для себя: он прошел вселенную для ее избавления, а не в угоду собственной страсти. Над чем одерживал победы враг злых, защитник добрых и умиротворитель суши и моря? А сей (Александр) был разбойником с детства, истребителем народов, губителем как врагов, так и друзей, считавшим за высшее благо наводить ужас на всех людей, забывая, что страх внушают не только самые отважные животные, но и самые неподвижные, благодаря своему вредоносному яду.

Глава 14

[1] Вернемся теперь снова к своему предмету. Благодеяние, оказываемое всем без разбора, никому не бывает приятно. Никто не считает себя принимающим угощение от содержателя постоянного двора²² или корчмы²³ и — гостем лица, предлагающего угощение в том случае, где может быть сказано: «Что он мне этим оказал? Не то же ли самое, что и тому лицу, едва ли для него хорошо известному, и даже тому комедианту²⁴ и презреннейшему человеку? Разве он признал меня достойным своего угощения?»

¹⁹ *Venationem*, т. е. самих зверей, взятых на охоте и приспособленных к охоте. Как то: львов, слонов и т. п., которые в древних римских цирках выпускались для борьбы друг с другом или с особыми гладиаторами, так называемыми бестиариями, в те дни, когда давались зрелища, предназначенные для народного увеселения.

²⁰ Подобное же повествование встречается у Плутарха (*Lib. de Monarchia, Democratia et Oligarchia*, с. 2). Но у него речь идет не о коринфянах, а о мегарцах. Вообще Сенека с предубеждением относился к Александру Великому.

²¹ Философы и риторы древности, в особенности же стоики, склонны были восхвалять Геракла и ставить его образцом мужества, справедливости и благоразумия. Ср.: Xenophont. *Memor. Socr.* II, 1, 21.

²² *Stabularii* — содержатели постоянных дворов, во времена Апулея пользовались весьма малым уважением. См.: *Metam.* I, 56 sq.

²³ *Saupo* — χαλιπλος — продавцы вина и пищи были в презрении, по свидетельству Горация. *Serm.* I, 1, 31 и др.

²⁴ *Mimici* — комические актеры, находились в презрении за свои непристойные зрелища и подобного же рода образ жизни.

Нисколько! Он (только) удовлетворил своей страсти²⁵. Если ты желаешь сделать что-либо приятным, то сделай это редким, ибо кто согласится отнести к себе то, что всем доступно (*vulgaria*)? [2] Пусть никто не понимает этого в том смысле, будто я препятствую благотворительности и налагаю на нее теснейшие бразды; пусть она расширяется, насколько ей угодно, но пусть идет (прямо), а не блуждает. Можно благотворить таким образом, что каждый, хотя бы и получил вместе со многими, тем не менее не станет считать себя в числе толпы. [3] Пусть каждый получит (на свою долю) какое-нибудь заявление любезности, благодаря которому приобрел бы надежду на то, что он приближен более других. Пусть он говорит: «Я получил то же, что и вон такой-то, но получил благодаря доброжеланию (дающего); получил то же, что и тот, но — за более краткое время, тогда как последний долго этого заслуживал. Положим, есть люди, которые получили то же самое, но им дано не с такими словами и не с такой любезностью дающего. Такой-то получил, но после просьбы, а я — в то время, когда просил. Такой-то получил, но он легко может возвратить; его преклонные лета и одиночество, соединенные с невоздержным образом жизни, подавали большие надежды²⁶, мне дано больше, — хотя и дано то же самое, — больше потому, что дано без надежды на обратное получение». [4] Подобно тому как женщина легкого поведения делит себя между многими таким образом, что каждый имеет от нее какой-нибудь знак душевного расположения, так и желающий сделать свои благодеяния приятными пусть подумает о том, каким образом многим сделать одолжение, но — так, однако, чтобы каждый имел нечто такое, что возвышало бы его пред прочими.

Глава 15

[1] Я со своей стороны не ставлю препятствия благодеяниям: чем они будут многочисленнее и больше, тем более будут приносить хвалы. Тем не менее, однако, при этом следует руководиться соображением, ибо никому не может быть по сердцу то, что дано случайно и необдуманно. [2] Посему кто думает, что мы, давая такие советы, суживаем пределы благотворительности и открываем ей менее широкие границы, тот пусть не принимает наших советов в превратном смысле. Ибо какую добродетель мы чтим более, в пользу какой добродетели более приводим доводов? И кому столь приличествует подобное увещание, как не нам²⁷, объявляющим священным (объединение) содружество (*societatem*) человеческого рода? [3] Итак, что же? Так как нет ни одной благородной способности души, хотя бы даже она получала свое начало от доброго желания, если разум не придает ей достоинства добродетели²⁸, то я запрещаю расточать благотворения. Тогда бывает приятно получить благодеяние, и даже — с распростертыми руками, когда оно, при руководстве разума, направляется к людям достойным, а не туда, куда захочет случай и безрассудное влечение приведет его. Таким благодеянием бывает желательно хвалиться и приписывать его себе как виновнику. [4] Называешь ли ты благодеяниями те из них, виновника которых тебе стыдно признать? Но насколько приятнее, насколько глубже западают в душу, притом так, чтобы никогда не оставлять ее, те благодеяния, которые более доставляют удовольствия при размышлении о том, от кого, чем о том, что ты получил. [5] Крисп Пассиен²⁹ говаривал обыкновенно, что от одних он лучше бы желал (получить) суждение, чем благодеяние, а от других — лучше благотворение, чем суждение, и приводил следующие примеры: «от божественного Августа³⁰, — говорил он, — я лучше желаю получить суждение, а от Клавдия³¹ — благодеяние». Я же со своей стороны полагаю, что не следует искать благодеяния того, чье

²⁵ Имеются в виду пиршества, которые давали публично различные честолюбцы для достижения своекорыстной цели. Этот обычай осуждали стоики.

²⁶ На получение после него наследства. Очевидно, речь идет о поиске наследства после лиц бездетных. Чем невоздержаннее была жизнь таких одиноких людей, тем более возбуждались надежды в людях, домогавшихся после них наследства.

²⁷ Т. е. стоикам.

²⁸ Так как, по учению стоиков, добродетель есть свойство души, согласное с природой и разумом, то отсюда следует, что ни одна благородная сила души не могла быть таковой, кроме той, которая согласовалась с разумом и, таким образом, становилась добродетелью.

²⁹ Отчим Нерона, первый муж Агриппины.

³⁰ Август был бережливее, но давал благоразумно.

³¹ Клавдий, по отзыву Сенеки, был человек недалекого ума и хотя много жаловал, но зато много и отнимал.

суждение не имеет цены. [6] Итак, что же? Разве не следовало от Клавдия брать того, что он предлагал? Следовало, но так, как будто берешь от Фортуны, которая, как ты знаешь, тотчас же может сделаться в отношении к тебе неблагоприятной. Посему зачем нам разделять то, что перемешано между собой? У него недостает наилучшей части — именно, что дано без размышления, то уже не благодеяние. В ином случае иногда и большие деньги, если только они даны необдуманно и не по благожеланию, будут не бóльшим благодеянием, чем случайно найденный клад. Много есть такого, что надлежит принимать, но не быть обязанным.

КНИГА 2

Глава 1

[1] Рассмотрим, достойнейший из мужей Либералий, остающееся доселе нерассмотренным от предшествовавшего отдела³², а именно: каким образом надлежит оказывать благодеяние. Мне кажется, я в состоянии указать путь наиболее удобный. Будем оказывать благодеяние так, как желали бы сами принимать его: [2] прежде всего — охотно, скоро и без всякого колебания. Когда же, давая какой-нибудь дар, долго удерживают его в своих руках и, по-видимому, с трудом с ним расстаются, а дают его так, как будто отнимают у самих себя, — благодеяние бывает неприятно. Поэтому даже в том случае, если бы пришлось почему-либо замедлить, всевозможными способами будем избегать такого вида, по которому могли бы подумать, будто мы колеблемся. Колебаться — почти то же, что отказывать, и давший с нерешительностью не заслуживает никакой благодарности. Ибо как скоро в благодеянии всего приятнее желание дающего, то заявивший самой медлительностью свое нежелание дать — собственно и не дал, а только оказал слабое сопротивление противоположному влечению³³. А таких, которых делает щедрыми слабость характера³⁴, немало.

[3] Всего приятнее такие благодеяния, которые оказаны с готовностью, охотой, предупредительностью и без всякого замедления, — исключая только вызванного стыдливостью принимающего. Самое лучшее — предупреждать желание каждого, но почти так же хорошо и следовать за ним, хотя все-таки лучше предупреждать просьбу, и вот почему: у человека честного смыкаются уста и краска разливается по лицу, когда ему приходится просить; поэтому избавляющий его от этой пытки тем самым умножает свой дар. [4] Недаром получает благодеяние тот, кто получил его после просьбы, ибо, по мнению достойнейших мужей, наших предков³⁵, нет предмета дороже того, который куплен ценой просьб. Люди реже воссылали бы прошения, если бы их надобно было воссылать публично³⁶, посему даже богам, которым мы поклоняемся с величайшими почестями, и тем мы предпочитаем возносить молитвы в молчании и внутри самих себя.

Глава 2

[1] Тяжелое, гнетущее это слово «прошу», с поникшим лицом надобно бывает его выговаривать. От него должно избавлять своего друга, а также всякого, кого ты чрез благодеяние намереваешься сделать другом³⁷. Надобно спешить: поздно оказал благодеяние тот, кто оказал его просящему. Посему следует предупреждать желание каждого и, угадав его, избавлять от весьма тягостной необходимости просить: ведь

³² Начинающегося с XII, 3 и продолжающегося до конца 1-й книги.

³³ «*Adversus ducentem*» — образ заимствован из комического танца древних греков, называвшегося *хордас*, во время которого один из танцующих ташил бечеву, взявшись за которую следовали и остальные танцоры.

³⁴ Букв. лица — *frontis infirmitas*. На лице выражается обыкновенно печаль, стыд и другие чувства. Отсюда: *frontis infirmitas* — способность лица легко выражать эти чувства. *Firma frons* — способность не выражать волнующих душу чувств.

³⁵ Это подтверждает вся история римского народа. Благодаря такому взгляду римляне древних времен обнаруживали необыкновенную твердость и терпение в несчастиях.

³⁶ Подобную мысль Сенека проводит и в своих письмах.

³⁷ Как пример подобной предупредительности, Сенека ниже (гл. 10) приводит философа Аркесилая. Подобным образом Архелай, царь Македонский, одарил Эврипида без всякой просьбы со стороны последнего.

только то благодеяние произведет приятное и продолжительное впечатление на душу, которое предупреждает (желание и просьбу). [2] Если же нам не представляется случая предупредить (желание другого), то по крайней мере постараемся не допускать просителя до многословия, чтобы не показаться упрощенными, но как только мы уведомлены (о нужде другого), немедленно же дадим обещание и самой поспешностью докажем, что мы готовы исполнить желание даже прежде, чем нас к тому побудят. Подобно тому как для больных бывает спасительна благовременность пищи и вовремя поданная вода заменяет место лекарства, так и благодеяние, как бы незначительно и обычно ни было, но если оно сделано с готовностью, если не пропущено ни одного ближайшего часа, много выигрывает в достоинстве и превосходит заслугу благодеяния ценного, но неспешно оказанного и долгое время подвергавшегося обсуждению. Кто оказал благодеяние с такой готовностью, тот, без сомнения, оказал его по охоте. Поэтому он оказывает благодеяние с радостью и таким образом принимает на себя вид, вполне соответствующий его душевному настроению.

Глава 3

[1] Бывали случаи, когда молчание или неразговорчивость, походившая на суровость и огорчение, вредили и великим благодеяниям некоторых лиц, — так как они, давая обещание, имели такой вид, как будто отказывали. Насколько лучше к добрым делам присоединять добрые слова и сопровождать оказываемое благодеяние любезной и благосклонной беседой с просителем? [2] А чтобы он даже пожалел, что так поздно обратился с просьбой, можно прибавить любезный выговор: «Я, мол, сержусь на тебя за то, что ты, имея кое в чем нужду, ни разу не пожелал меня уведомить об этом, — за то, что ты так усиленно просил, за то, что ты обратился к кому-то помимо меня. Но я радуюсь тому, что тебе пришла охота испытать мою душу; на будущее время все, в чем бы у тебя ни была нужда, требуй от меня по праву. А теперь на первый раз твоя неделикатность прощается». [3] Поступая так, ты заставишь просителя ценить твое расположение больше, чем все то, что он пришел у тебя просить. В самом деле, величайшая добродетель и радушие благотворителя обнаруживаются в том случае, когда ушедший от него будет говорить про себя: «Я сделал сегодня великое приобретение. Более же всего мне нравится то, что я встретил такого благотворителя; для меня это лучше, чем если бы этот дар достался мне и в больших размерах, но при других обстоятельствах. Я никогда не воздам достойной благодарности за такое его расположение».

Глава 4

[1] Однако большинство составляют такие люди, которые вызывают ненависть к своим благодеяниям, так как они сопровождают их грубыми словами и надменным видом; они употребляют такую речь и обнаруживают такую гордость, что, обратившись к ним с просьбой, после расквешься. Затем после того, как благодеяние обещано, следуют другие препятствия. А ничего нет прискорбнее, как просить даже то, что ты уже выпросил. [2] Благодеяния следует оказывать немедленно: от иных же труднее бывает их получить, чем выпросить. Одного надобно бывает упрашивать, чтобы он (им) напоминал, другого, чтобы довершил³⁸. Таким образом, один и тот же дар проходит чрез руки многих; благодаря чему — всего менее благодарности остается на долю того, кто обещал; потому что у виновника благодеяния, к которому всецело должна бы относиться благодарность, ее похищает всякий, кого надобно бывает просить после него. [3] Поэтому, если хочешь, чтобы твои дары были оценены с благодарностью, заботься о том, чтобы они целыми и невредимыми дошли до тех, кому они обещаны, — безо всякого, как говорят, ущерба. Пусть никто не перехватывает их, никто не задерживает: потому что всякий, кто при посредстве твоих подарков приобретает себе благодарность, — тем самым уменьшает благодарность, предназначавшуюся тебе.

Глава 5

[1] Ничего нет прискорбнее, как долгое время оставаться в неизвестности. Некоторые с бóльшим равнодушием переносят окончательное пресечение надежды, чем отсрочку ее исполнения. Многим также свойствен порок раздавать обещания, руководясь низким честолюбием, дабы не убавлялась толпа просителей. Такого рода людьми бывают могущественные царедворцы, которые находят удовольствие в продолжительном созерцании собственного величия; они полагают, что будут обладать меньшим могуществом, если не станут пред каждым в отдельности долго и много показывать того, что они в состоянии

³⁸ Так, у высокопоставленных лиц подаяние или милость оказывается через различных посредников, а не самим благотворителем. Приходится просить домоправителя или другое приближенное лицо похлопотать за себя.

сделать. Они ничего не делают немедленно и зараз. Их гнев стремителен, благодеяние же вяло. [2] Ввиду этого считай вполне справедливым изречение известного комика:

«Что же? ужели не понимаешь, что ты настолько отнимаешь у себя благодарности, насколько увеличиваешь промедление?» Отсюда и следующие слова, вызываемые искренней скорбью: «Если что хочешь делать — делай, а если нет, то уж лучше откажи мне»³⁹. Когда душа, доведенная до тоски, уже во время ожидания начинает ненавидеть благодеяние, то может ли она быть за него благодарной? [3] Подобно тому как самая свирепая жестокость — та, которая длит мучение, и скорое умерщвление есть некоторого рода милосердие⁴⁰, ибо высшая степень мучения приносит и конец его, а предшествовавшее время является важнейшей частью грядущего наказания, так и благодарность за благодеяние бывает тем больше, чем менее оно задерживалось. Для людей же, доведенных до возбужденного состояния, бывает тягостным ожидание даже хорошего. И так как весьма многие благодеяния служат как бы лекарством в известных случаях, то опаздывающий с помощью и таким образом или допускающий более долгое время мучиться тому, кого он мог бы выручить немедленно, или доставляющий радость слишком поздно тем самым налагает руки на собственное благодеяние. [4] Всякое доброе расположение поспешно выражается в действии, и действовать скоро свойственно тому, кто поступает по доброму желанию. Кто же оказывал помощь медленно, откладывая со дня на день, тот поступал не от души. Таким образом, он и потерял время и не доказал своей дружбы. Позднее желание является у того, кто не имеет охоты.

Глава 6

[1] Во всяком деле, Либералий, весьма немаловажная вещь самый способ говорить и действовать. Много выиграно быстротой, и многое потеряно медлительностью. Так — во всех метательных копьях сила железа одинакова: но чрезвычайно важное различие (в силе удара) зависит от того, бросается ли копье сильной или слабой рукой. Один и тот же меч и едва задевает, и пронзает насквозь: все дело в том, сколь сильно бывает напряжение руки, им управляющей. Дается одно и то же: но различие в том, каким образом дается. [2] Как приятно, как дорого бывает, если оказавший благодеяние не допустил принести ему благодарность, если он, давая, уже забыл о том, что дал! Ведь было бы безумием оскорблять того, кому оказываешь какую-нибудь весьма важную услугу, и присоединять к благодеяниям обиду. Посему не следует затруднять благодеяний и примешивать к ним какое-нибудь огорчение. Даже если будет что-нибудь такое, о чем бы ты хотел напомнить, для этого следует выбрать другое время.

Глава 7

[1] Фабий Веррукоз⁴¹ благодеяние, с грубостью оказанное суровым человеком, сравнивал с черствым, как камень, хлебом, который принять человеку голодающему бывает необходимо, но есть тяжело! [2] Когда претор Непот Марий упросил Тиберия кесаря помочь в уплате долга, последний приказал ему сообщить себе имена кредиторов; это значило не дарить, но созывать кредиторов. Когда имена были объявлены, он написал, что по его приказанию Непот освобождается от долгов, — дав при этом Непоту оскорбительный выговор, он сделал так, что Непот хотя не имел больше долгов, но не получил и благодеяния: он освободил его от кредиторов, но ничем не обязал по отношению к себе. Тиберий, конечно, преследовал какую-нибудь цель: [3] мне думается, он хотел, чтобы никто более не обращался к нему с подобными просьбами. Быть может, это и могло служить действительным средством подавить стыдом бесчестные желания людей: но тем не менее благодетель должен следовать совершенно другому пути. Надобно всячески услаждать то, что даешь, дабы

³⁹ Подобную мысль встречаем в следующей эпиграмме Марциала:

Первым делом «я дам», говоришь ты мне, Цинна, на просьбу,
Ну а потом ты даешь сразу же, Цинна, отказ.
Я и дающих люблю, и не против отказа я, Цинна,
Но иль давай, или дай сразу же, Цинна, отказ.

(Перевод Ф. А. Петровского)

⁴⁰ Так поступали тираны древности. Гай Калигула дал приказание убивать таким образом, чтобы «жертва чувствовала, как умирает».

⁴¹ Неизвестно, подразумевается ли здесь историк Фабий Рустик или другое лицо. Об этой личности упоминает Тацит (Annal. XIII, 20; XIV); о Непоте ничего не известно.

приятнее было получить; поступать же вышеприведенным образом — значит делать не благодеяние, а обличение.

Глава 8

[1] При переходе от этой части рассуждения к другой выскажу свою мысль: не совсем прилично и государю дарить для того только, чтобы обесчестить. Однако и таким образом Тиберий не мог избавиться от беспокойства, которого избегал. Ибо спустя несколько времени, когда нашлись люди, обратившиеся с подобной же просьбой, он им всем приказал представить в Сенат отчет об их долгах и только после этого отпустил (им) известные суммы. Это не благотворение, а суд. [2] Это не помощь, а царская милостыня. То не благодеяние, о чем нельзя вспомнить без краски стыда. Я был отправлен к судье: чтобы выпросить помощь, я вел судебный процесс.

Глава 9

[1] Все мудрецы учат, что некоторые благодеяния следует делать открыто, а другие тайно. Открыто те, принятие которых доставляет славу, как, например, военные награды, почетные должности и все то, что благодаря известности становится более привлекательным. [2] Напротив, то, что не возвышает, не ведет к почестям, но служит пособием в немощи, нужде, бесславии, следует давать тайно, так, чтобы известно было только тем, кому помогают.

Глава 10

[1] Иногда надобно бывает обманывать даже тех, кому оказывается помощь, так чтобы они принимали, не зная, от кого. Рассказывают, что Аркесилай⁴², решив тайным образом помочь бедному, но скрывавшему свою бедность другу, находившемуся в болезни и не признававшемуся даже в том, что у него недоставало средств на необходимые потребности, — без его ведома положил ему под подушку кошелек, дабы человек, обнаруживший бесполезную стыдливость, лучше нашел, чем получил, то, в чем имел нужду. [2] «Что же отсюда следует? он не будет знать, от кого получил?» Пусть его сначала не знает, — если этот мой дар есть только часть доброго дела, впоследствии я буду давать и делать много других благодеяний, по которым он угадает и виновника первого. Да, наконец, пускай он и не знает, что получил (от меня): я буду знать, что дал. Ты скажешь: этого мало. Мало, если думаешь быть ростовщиком, но если станешь давать с тем, чтобы (твой дар) принес как можно более пользы принимающему его, то будешь довольствоваться своим собственным сознанием. Иногда доставляет удовольствие не самое благодеяние, но то, чтобы казаться сделавшим благодеяние. [3] «Я хочу, — говоришь ты, — чтобы он знал». Но в таком случае ты ищешь (себе) должника. «Все-таки хочу, чтобы он знал». А что, если для него полезнее, приличнее и приятнее — не знать? Не переменишь ли ты, в таком случае, своего решения? «Хочу, чтобы он знал!» Итак, ты не оставишь человека в неведении? [4] Не отрицаю того, что, насколько позволяют обстоятельства, можно радоваться при виде удовольствия получившего. Но если он имеет нужду в помощи и вместе с тем стыдится этого, если наш дар наносит ему обиду, когда не остается в тайне, то я не обнаружю своего благодеяния. А почему? Я не пожелаю открыть своего благодеяния по той причине, что (это) одно из первых и наиболее важных правил: никогда не попрекать, даже никогда не напоминать. Ибо закон благодеяния, соединяющего два лица, состоит в следующем: один должен тотчас забыть об оказанном, другой никогда не забывать о полученном (благодеянии).

Глава 11

[1] Частое напоминание об услугах терзает и угнетает душу. В подобных случаях так и хочется воскликнуть то, что воскликнул один человек, спасенный кем-то из друзей кесаря от проскрипции триумвиров⁴³, когда не был в состоянии выносить надменного обращения своего избавителя. «Выдай меня

⁴² Об этом рассказывают Плутарх (*de adul. et amici discrim.* 32), который называет этого друга Апеллием, и Диоген Лаэртский (IV, 37), называющий его Ктесибием. Последний рассказывает, что Ктесибий, нашедши кошелек, воскликнул: «это шутки Аркесилая».

⁴³ Неизвестно кто. А что касается упоминаемого здесь триумvirата, то здесь имеются в виду Антоний, Лепид и Октавий; последний в данном случае и вообще часто называется Цезарем (см. Sueton. Oct. 7, 27). Между законами Корнелиевских, проведенных диктатором Суллой (672 г. от основания Рима), был один относительно проскрипции и лиц, ей подвергавшихся. Закон этот был в действии при Октавии и некоторых других. Имена осужденных преступников выставлялись публично на так

кесарю. Долго ли ты будешь говорить: «Я спас тебя, я отнял тебя у смерти»? Если я сам по себе вспоминаю об этом избавлении, то оно кажется мне жизнью, если же ты вызываешь у меня это воспоминание, — смертью! Я ничем не обязан тебе, если ты спас меня с той целью, чтобы иметь человека, на которого можно было бы указывать. Долго ли тебе выставлять меня напоказ, долго ли ты не дашь мне забыть о своей участи? Ведь раз меня уже вели в триумфальном шествии!» Не следует говорить о том, что мы дали: [2] кто напоминает, тот требует назад. Не следует твердить об одном и том же, не следует вызывать воспоминания, разве только в том случае, когда, давая новый дар, ты этим самым напомнишь о прежнем. Мы не должны рассказывать даже посторонним. Кто оказал благодеяние, пусть молчит, а кто получил, тот пусть говорит (о нем). Ибо (в противном случае) будут говорить то же, что было сказано одному лицу, всюду хвалившемуся своим благодеянием: «Ты не станешь отрицать того, что получил свое обратно». И на вопрос: «Когда?» — в ответ было сказано: «Да часто и во многих местах: то есть столько раз и всюду, где бы ты ни рассказывал о своем благодеянии». [3] Зачем говорить? Зачем восхищать чужую обязанность? Ведь есть человек, который с большей честью мог бы это сделать, — притом, когда он будет рассказывать, и то будут хвалить, о чем ты сам не рассказываешь. Ты считаешь меня неблагодарным, если полагаешь, что в том случае, когда сам ты будешь молчать, никто и не узнает (о твоём поступке). Похвальбы своими благодеяниями должно избегать до такой степени, что даже и тогда, когда кто-нибудь посторонний будет рассказывать о твоём благодеянии в твоём присутствии, то тебе следует так отвечать: «Он, правда, весьма достоин больших даров, но я, сознаюсь, до сих пор более желал сделать ему добро, чем в действительности сделал». И эти слова должны быть сказаны бескорыстно. Они не должны быть тем искусственным приемом, когда отклоняют от себя что-нибудь такое, что скорее желают приписать себе. [4] Затем при всем этом должно оказывать всевозможную любезность. Земледелец потеряет то, что он посеял, — если, бросив семя в землю, он в то же время бросил и труды свои. Только при большом уходе посев доводится до жатвы, и ничто не приносит плода, к чему от начала до конца не прилагается одинакового ухода: то же условие имеет силу и в благодеяниях. [5] Может ли быть что-нибудь больше того, что родители доставляют детям? Однако и их дары оказываются бесполезными, если ограничиваются только детством, если не будут поддерживаться долговременной заботливостью родителей. Этим же условием связаны и остальные благодеяния: если не будешь прилагать к ним ухода, то потеряешь их. Недостаточно оказать их, надо за ними ухаживать. Если хочешь, чтобы к тебе с благодарностью относились те, кому ты делаешь одолжение, то надобно не только оказывать благодеяния, но и любить. Главным же образом, как я сказал, будем щадить слух. Напоминание вызывает огорчение, а попрек — ненависть. [6] Ничего так не надобно избегать при благодеяниях, как надменного обращения. К чему этот надменный вид, к чему эти напыщенные речи? Тебя возвышает самое дело. Надобно устранять пустое хвастовство: пусть говорят дела, а мы станем молчать. Благодеяние, оказанное с надменностью, — не только неприятно, но и ненавистно.

Глава 12

[1] Кесарь Калигула подарил жизнь Помпею Пенну⁴⁴, если можно так сказать про того, кто только не отнимает; и затем, после освобождения, когда тот благодарил его, протянул для поцелуя левую ногу. Те, которые оправдывают этот поступок и утверждают, что он был сделан не по высокомерию, говорят, что Гай имел желание показать позлащенный, или, вернее, золотой, башмак, изукрашенный жемчугом. Итак, продолжают они, что же, в самом деле, унижительного, если бывший консул, не находя для поцелуя более чистого места на всем теле, поцеловал золото и жемчуг? [2] Человек, рожденный на то, чтобы обычаями свободного государства заменить персидским деспотизмом, не придавал значения тому, что престарелый сенатор, несмотря на свои заслуги, на виду сенаторов умолял его, повергшись таким образом, как повергались побежденные неприятели пред своими врагами: он ниже колен нашел нечто такое, чем мог попираť достоинство свободного человека. Не значит ли это попираť государство — и притом (как заметит иной, ибо и это может относиться к делу) попираť левой ногой? Еще было бы небольшим проявлением постыдной и наглой надменности со стороны императора — в легкой обуви⁴⁵ слушать уголовный процесс бывшего консула, если бы он не поднес своей подошвы к лицу сенатора.

называемых «*tabulae proscriptiois*», их имение конфисковывалось. О настоящей проскрипции триумвиров, которая была в 711 г. (от основания Рима), см.: Plutarch, vit. Anton, c. 19 и сл. и Dio Cass. 47, 3 и сл.

⁴⁴ Липсий полагает, что это был тот самый Помпей, которого впоследствии Гай Калигула принудил умереть голодной смертью, так как он был богатейшим в свое время человеком, о чем Сенека говорит также и в «*De Tranq. Animi*». XI. Но, кажется, это был другой Помпей, так как он принадлежал к роду Пеннов.

⁴⁵ «*Soccatu*s» — это было необычным для римлян, и Цицерон сильно упрекал Верреса за то, что тот «*soccatu*s in publico stetitset» (появляется в легкой обуви в общественном месте). Дома у римлян вообще употреблялись *soleae*, в местах же публичных

Глава 13

[1] Какое бессмысленнейшее зло — гордость большим богатством! Как приятно ничего от тебя (гордец) не получать! Как ты умеешь обращать всякое благодеяние в обиду. Тебе доставляет удовольствие всякое излишество! Все обращается к твоему позору! Чем выше ты превозносишься, тем ты ничтожнее и только показываешь, что тебе не дано разуметь те блага, которыми ты столько гордишься. Все, что ты даешь, ты сам же разрушаешь. [2] Поэтому хотелось бы спросить: что внушает тебе такую гордость? что искажает твое лицо и внешний вид до такой степени, что ты, можно подумать, скорее предпочитаешь носить маску, чем иметь свой естественный вид? Благодеяние приятно в том случае, когда оно оказывается с любезным и, по крайней мере, спокойным и кротким видом; если же его оказал человек высший меня, то в том случае, когда он не возносился предо мною, но был по возможности благосклонным, снизошел до равенства и устранил от своего благодеяния всякую торжественность, если он выбрал удобное время, стараясь о том, чтобы помощь явилась скорее в удобный, чем в затруднительный момент. [3] Словом, убедить надменных людей, чтобы они не уничтожали своих благодеяний своею гордостью, — это значит показать им, что их благодеяния не оказываются на самом деле большими потому только, что даны с большим шумом, — и что даже сами они не могут от этого выиграть, и что надменная важность есть важность пустая и притом подвергает ненависти то, что надобно любить.

Глава 14

[1] Некоторые предметы могут принести вред тем, которые их выпрашивают. Не дать, но отказать в них — вот что будет благодеянием в таких случаях. Поэтому будем обращать внимание скорее на пользу, которую подарок может принести просителю, чем на желание этого последнего. Ибо часто мы желаем вредного и при этом даже не можем понять, насколько вредного, так как возбуждение препятствует здравому суждению. Но как скоро страсть утихла, как скоро успокоился пылкий порыв души, благодаря которому она избегала всяких советов, мы проклинаем пагубных виновников зловредных даров. [2] Подобно тому как больным мы не даем холодной воды, находящимся в печали и раздраженным против самих себя — железа и влюбленным не даем ничего такого, что разгоряченная страсть стремится употребить во вред себе, — так точно будем упорно отказывать людям, настойчиво и униженно, а иногда даже жалобно просящим, — во всем том, что может принести им вред. Надобно обращать внимание не только на начало, но и на исход своих благодеяний и давать то, что доставляет удовольствие не только в самый момент получения, но и после него. Много таких, которые могут сказать: [3] «Знаю, что это ему не в пользу, но что же делать? Он просит, а я не в состоянии противиться его мольбам. Пусть смотрит и жалуется на себя, а не на меня». Это ложь: напротив, он будет жаловаться на тебя, и притом заслуженно; а когда придет в здравый ум, когда прекратится припадок, воспламенивший его душу, не возненавидит ли он того, кто оказал ему помощь к его же вреду и опасности?

[4] Уступать мольбам тех, кто просит себе на погибель, — пагубная доброта. Спасение людей даже против их желания и воли будет настолько же благороднейшим подвигом, насколько заслуживающим отвращение потворством и позором давать просящим то, что для них вредно. Станем делать такие благодеяния, которые при употреблении будут возбуждать все более и более удовольствия и никогда не обратятся ко вреду. Я не дам денег, если знаю, что они предназначаются для уплаты развратной женщине, чтобы не оказаться сообщником позорного действия или намерения. Если буду в состоянии, то отговорю; в противном же случае не стану, по крайней мере, оказывать помощи пороку. [5] Если гнев заведет его, куда не должно, или воспламененное честолюбие отклонит от безопасного пути, — я не позволю просить у меня помощи на какое-нибудь злое дело, — не допущу того, чтобы он когда-нибудь сказал (про меня): «Своей любовью он погубил меня». Часто не бывает никакого различия между дарами друзей и кознями врагов. Последние желают нам всякого зла; к тому же самому побуждает и настраивает и первых их несвоевременное снисхождение. А что может быть ужаснее хотя и весьма часто встречающегося явления, именно: совершенного отсутствия различия между ненавистью и благодеянием.

Глава 15

[1] Никогда не станем давать того, что может обратиться к нашему бесчестию. Так как главное свойство дружбы состоит в том, чтобы уравнивать с собою друга, то следует заботиться вместе о нем и о себе. Я дам нуждающемуся, но так, чтобы не нуждаться самому; я прибегну на помощь к человеку, подвергающемуся

опасности, но так, чтобы самому не погибнуть, — исключая того случая, когда мне придет желание принести себя в жертву за великого человека или великое дело. [2] Я не сделаю такого благодеяния, искать которого было бы для меня позором; не преувеличу малого, но и не потерплю того, чтобы великое было принято за малое. В самом деле, если лишается права на благодарность тот, кто высчитывает поданное им, то, с другой стороны, кто объявляет, сколько дает, тот этим самым только придает более цены своему дару, а не попрекает им. Каждому должно обращать внимание на свои способности и силы⁴⁶, дабы не делать больше или меньше того, сколько для него возможно. [3] Следует принимать в соображение лицо, которому даем, ибо одно (благодеяние) бывает ничтожно в сравнении с тем, что должно исходить от людей высокопоставленных, а другое — слишком велико для того, кто принимает. Посему сопоставляй личность того и другого и соображай с ними то, что станешь давать: не будет ли оно обременительно или слишком ничтожно для дающего и, с другой стороны, не отнесется ли с презрением или даже не откажется ли от принятия тот, кто думает принять.

Глава 16

[1] Александр Великий, человек сумасбродный⁴⁷ и не замышлявший ничего такого, что не казалось бы грандиозным, предложил кому-то в подарок город. Когда тот, кому было сделано это предложение, — соразмерив с ним самого себя, — испугался зависти к такому дару и говорил, что ему неприлично такое богатство, Александр отвечал: «Я ищу не того, что прилично тебе принять, но того, что мне прилично дать». Речь эта, по-видимому, великодушная и достойная царя, на самом деле — в высшей степени безрассудна, потому что ничего само по себе не бывает для кого-либо неприличным. Важно то, что именно дается, кому, когда, по какому поводу, где и прочее, без чего (это) действие не будет иметь разумного основания. [2] Надменнейшее животное! Если тому было неприлично это получить, то и тебе неприлично — давать! Следует принимать в соображение степени лиц и достоинств, и коль скоро всюду свойством добродетели бывает умеренность, то одинаковая погрешность допускается как в том случае, когда эта мера преступается, так и в том, когда ее не выполняют. Положим, для тебя такое поведение возможно и судьба настолько превознесла тебя, что дары твои — города⁴⁸, но насколько великодушнее было их не брать, чем расточать? Есть, впрочем, некто, кому еще менее прилично принимать в лоно свое города.

Глава 17

[1] Один циник попросил у Антигона⁴⁹ талант, Антигон отвечал, что талант больше того, сколько следует просить цинику. Получив отказ, последний попросил динарий. Антигон ответил, что это меньше того, сколько прилично дать царю. Подобная уловка в высшей степени неблагородна. Антигон нашел средство не давать ни того, ни другого: по поводу динария он принял в соображение царское достоинство, по поводу таланта — звание циника, — тогда как мог дать и динарий, как цинику, и талант, как царь. Если бы даже, и было что-либо более того, сколько можно принять цинику, то ничего нет до такой степени ничтожного, что бы позорно было дать для человеколюбивого царя. [2] Если ты спрашиваешь моего мнения, то я соглашаюсь (в данном случае) с Антигоном: нетерпимая вещь, когда просят денег, презирая их⁵⁰. Ты заявил ненависть к деньгам, ты открыто высказал это; ты надел эту личину — так и носи ее. Весьма дурно — искать денег, похваляясь бедностью. Таким образом, каждому следует обращать столько же внимания на свою собственную личность, сколько и на личность того, кому хочешь помочь. [3] Я желаю воспользоваться сравнением, которое заимствовано нашим Хрисиппом от игры в мяч⁵¹. Мяч падает, без сомнения, благодаря

⁴⁶ Ср.: Cicero, de offic. I. 14 и сл.

⁴⁷ По отношению к Александру Великому Сенека часто проявлял несправедливость. См. выше 1, 13. Впрочем, в данном случае эпитет сумасброд («*vaesanus*») прилагается Сенекою к Александру, кажется, неискренно, так как непосредственно затем присоединяется похвала.

⁴⁸ Здесь Сенека, по-видимому, намекает на Деметрия, о котором говорит ниже (VII, 41).

⁴⁹ Имеется в виду Антигон I Одноглазый, полководец и друг Александра Македонского, ставший после его смерти царем Сирии (306–301 гг. до н. э.). См.: Plutarch, *vita Demetr. Poliorcet*, 29.

⁵⁰ Правилom школы киников было презирать богатства и нуждаться как можно в меньшем. Diogen Laert., VI, 105.

⁵¹ Здесь разумеется известная в древности игра в мяч «*pila trigonalis*», которая велась тремя только игроками, стоявшими по

промаху того, кто его бросает, или того, кто ловит. Он тогда сохраняет свое верное направление, когда вращается в руках таких игроков, из которых и тот и другой ловко его бросает и подхватывает, — необходимо, чтобы хороший игрок иначе бросал мяч к противнику, когда тот стоит вблизи, чем в том случае, когда последний находится далеко. Точно такое же условие наблюдается и в благодеяниях. Если оно не сообразуется с тем и другим лицом, т. е. и с дающим, и с принимающим, то в таком случае исходит от одного и достигает другого не так, как должно. [4] Когда приходится иметь дело с человеком испытанным и наученным опытом, то мы станем бросать мяч смелее, потому что, куда бы он ни направился, его отобьет искусная и ловкая рука. Если же приходится иметь дело с новичком и человеком неловким, то бросаем мяч не так смело и сильно: такому противнику мы станем возвращать его медленнее, осторожно направляя (мяч) в самую его руку. То же самое нужно делать и относительно благодеяний. Некоторым надобно давать наставления, учить их и удовлетворяться тем, когда с их стороны заметно старание, смелость и охота. [5] Во многих мы поселяем неблагодарность и поддерживаем ее существование, как будто наши благодеяния бывают велики только в том случае, когда за них нельзя отблагодарить. Подобным образом коварные игроки имеют обыкновение проводить своего соперника, конечно, в ущерб самой игре, которая может продолжаться только при взаимном согласии. [6] Есть много людей с таким дурным характером, что лучше желают потерять сделанное ими (благодеяние), чем показаться получающими обратно; это гордецы и люди, желающие, чтобы им оставались должны. Насколько лучше, насколько человечнее поступать таким образом, чтобы и на долю того лица, которое нам обязано, оставалось участие (в благодеянии); (насколько лучше и человечнее) способствовать тому, чтобы оно получило возможность воздать нам благодарность; (насколько лучше и человечнее) все принимать благосклонно и к приносящему благодарность относиться таким образом, как будто он возвращает долг, и быть любезным, чтобы даже то лицо, которое нами одолжено, почувствовало желание уплатить свой долг. [7] Оказывать дурной прием свойственно ростовщику, когда он сурово вымогает (свою ссуду) или медлит получкой, (нарочно) затрудняя ее и подыскивая предлог к отсрочке; благодеяние же, насколько следует принимать, когда его возвращают, настолько же не следует вымогать силой. Всех лучше тот, кто, легко дав, никогда не вымогал и радовался, когда ему возвращали; кто благодушно забывая, что дал, получал обратно с таким расположением, как будто ему самому (давали дар) делали благодеяние.

Глава 18

[1] Иные не только дают, но и принимают благодеяние с гордостью, — чего не следует допускать. Нам, таким образом, следует перейти к другой части (нашего сочинения) с целью рассуждать о том, как люди должны вести себя при получении благодеяний⁵². Какова бы ни была обязанность в отношениях одного лица к другому, она одинаково много требует от обоих. Рассмотрев, каковым надлежит быть отцу, ты узнаешь, что не меньше остается труда рассмотреть, каковым надлежит быть сыну. Одна часть дома относится к мужу, но не меньшая и к жене. [2] Эти (обязанности) предъявляют (одинаковые) требования к обеим сторонам и требуют (выполнения) одинакового (для них) правила, что, по словам Гекатона, нелегко. Ибо все благородное и даже то, что приближается к благородному, относится к разряду с трудом достижимого, так как надлежит, чтобы оно не только выполнялось, но выполнялось согласно с разумом, под руководством которого нам следует проходить всю жизнь; по его совету должно быть совершаемо и великое и малое и оказывать благодеяния поэтому должно таким образом, как он внушит нам. Разум же, прежде всего, внушает нам, что не следует принимать благодеяний ото всех. От кого же принимать? Говоря коротко, от тех, кому мы сами желали бы их оказать. [3] Ибо еще с большей разборчивостью надобно выбирать человека, которому можно было бы одолжиться, чем того, кому — дать, потому что, не говоря уже о многих других неудобствах (а их много), великое мученье — быть обязанным, кому не желаешь. Напротив, весьма приятно получить благодеяние от того, кого можно любить даже после обиды (с его стороны), благодаря чему дружба, приятная и в других случаях, по праву становится и заслуженной. Человеку же скромному и честному в высшей степени бывает тяжело, когда приходится любить лицо, для него неприятное. [4] Считаю необходимым напомнить, что я (в данном случае) говорю не о мудрецах, которым бывает приятно все то, чего требует долг, которые владеют своею душой, которые сами себе предписывают закон, какой хотят, и какой предпишут, тот и выполняют; я говорю о людях несовершеннолетних, которые желают поступать благородно, но которым страсти их с трудом повинуются. Итак, надобно выбирать, — от кого можно (принять) благодеяние. [5] И притом — в благодеяниях — кредитора следует выбирать с большей тщательностью, чем в деньгах. Ибо в последнем случае надобно возвратить лишь столько, сколько принято, а как скоро я возвратил, — то уже рассчитался и

трем концам треугольника; игра состояла в том, что они мяч бросали поочередно.

⁵² Отсюда и до конца книги Сенека отвечает на вопрос: как следует вести себя при получении благодеяний?

свободен (от долга). Для уплаты в первом случае требуется более. Даже воздав благодарность, мы тем не менее остаемся обязаны своему благодетелю, потому что, по возвращении долга, нам следует начинать (уплату) снова. И дружба требует — не иметь дела с человеком недостойным. В том именно и заключается священнейшее право благодетельности, из которого проистекает дружба. [6] «Не всегда, говорят, можно сказать: не хочу; иногда надобно бывает принимать благодетельность против воли. Положим (благодетельность) оказывает тиран — жестокий и гневный, который может счесть за оскорбление — презрительное отношение к своему дару. Можно ли не принимать? На одну доску поставь как разбойника и пирата, так и царя, имеющего душу разбойника и пирата. Что же надобно делать? Ведь такой человек почти недостойн того, чтобы ему быть обязанным!» [7] Когда я говорю, что надобно выбирать человека, которому можно быть обязанным, то при этом исключаю насилие и страх: как скоро присоединяются эти последние, — возможность выбора уничтожается. Если ты обладаешь свободой, если выбор находится в твоей власти, то сам решишь, чего ты желаешь и чего — нет. Когда же необходимость уничтожает свободу, то знай, что ты не принимаешь (по доброй воле), но повинешься. Никто не принимает на себя никаких обязательств, как скоро принимает то, от чего ему нельзя было отказаться. Если хочешь знать, желаю ли я (принять твое благодетельность), то сделай так, чтобы мне можно было не желать. «Однако, скажут, он дал тебе жизнь!»⁵³ [8] Неважно, что дается, если дается не по взаимному желанию (дающего и принимающего). Если ты спас меня, то это еще не значит, что по этому самому ты мой спаситель. Яд иногда служит лекарством, но по сему еще не причисляется к веществам здоровым. Иное хотя и приносит пользу, но не налагает обязательства.

Глава 19

[1] Некто, пришедши убить тирана, (вместо того) раскрыл мечом нарыв на его теле. Но тиран не возблагодарил этого человека за то, что тот, желая нанести вред, исцелил болезнь, от лечения которой со страхом отступились руки врачей. Ты видишь, что нет большой важности в самом предмете благодетельности, потому что принесший пользу с намерением принести вред никому не представляется оказавшим благодетельность. Благодетельность здесь надобно приписать случаю, а обиду — человеку.

Мы видели в амфитеатре льва, который, узнав в одном из гладиаторов (так называемых бестиариев) своего бывшего хозяина, защитил его от нападения зверей⁵⁴. Что же — надобно ли считать благодетельностью эту помощь зверя? Без сомнения, нет, потому что он не имел «воли» — сделать благодетельность и сделал это не с тем расположением, в каком бывает душа человека, оказывающего благодетельность. [2] На место льва — поставь тирана. И тот и другой даруют жизнь, но ни тот, ни другой не делают благодетельности, ибо то не благодетельность, когда принимают (его по необходимости), то не благодетельность, когда бываешь обязанным тому, кому не хочешь. Сперва надобно мне предоставить свободу, а потом оказать и благодетельность.

Глава 20

[1] Обыкновенно спорят относительно Марка Брута⁵⁵: следовало ли принимать ему жизнь от Августа Юлия (Цезаря), после того как он замыслил умертвить последнего? [2] Какими побуждениями Брут руководствовался при этом убийстве, это мы рассмотрим в другом месте. Мне же представляется, что этот муж, великий во (всех) других отношениях, в данном случае впал в сильнейшее заблуждение и поступил несогласно с учением стоиков или вследствие того, что испугался имени царя, — тогда как под управлением справедливого царя государство пользуется наилучшим состоянием; или вследствие того, что надеялся на возможность существования свободы при таком положении вещей, когда столь дорогой ценой вознаграждалось как управление, так и прислуживание; или вследствие того, что считал возможным возвращение государства к прежнему состоянию, после того как уже были утрачены древние нравы, (считал возможным) сохранение равенства гражданских прав и устойчивости законов, после того как уже видел столько тысяч людей, сражавшихся не из-за вопроса о том, быть ли рабами или нет, а из-за вопроса лишь о том, кому быть рабами? Какое же забвение природы вещей и своего государства овладело им, если он

⁵³ Примером может служить царь Ферарийский в Фессалии, которому, говоря словами Цицерона (*de nat. Deor.*, III, 28), «не желал пользы тот, который раскрыл ему мечом нарыв, от лечения которого отказались врачи».

⁵⁴ Об этом рассказывает *Aul. Gell. Noct. att.*, V, 13 и др.

⁵⁵ *Марк Брут* во время гражданской войны примкнул к Помпею, но после неудачных действий возвратился к Юлию Цезарю. *Plutarch. Brut.*, IV. Впрочем, если не ошибаемся, один Сенека рассказывает, что Брут возвратился к Цезарю уже с намерением убить его.

поверил, что после гибели одного не найдется другого, который пожелал бы того же самого, тогда как нашелся Тарквиний после гибели стольких царей от меча и перунов?⁵⁶ [3] Но он должен был получить жизнь (от Цезаря), не будучи, однако, обязан считать отцом того, кто насильем достиг права делать благодеяния. Ибо тот еще не спас, кто только не умертвил, и не благодеяние даровал он, а только освобождение (от смерти).

Глава 21

[1] С большим правом может быть подвергнут некоторому обсуждению вопрос о том, что следует делать узнику в том случае, когда ему обещает плату за выкуп человек, развращенный телом и неприличный на язык. Допущу ли, чтобы меня спас человек непристойный? И потом, спасенный им, чем я отблагодарю его? Стану ли жить с человеком развратным? Могу ли отказаться от сожительства со своим избавителем? Выскажу свое мнение. [2] От какого угодно человека, даже человека и с таким нравом, я приму деньги, которыми и выкуплю свою жизнь, но приму это как заем, а не как благодеяние. Я возвращу ему деньги и, если представится случай спасти его от опасности, спасу, но не снизойду до дружбы (с ним), которая соединяет только людей подобных; я стану считать его не избавителем, а работодателем и буду знать, что ему следует возратить то, что я от него получил. [3] Может найтись человек достойный того, чтобы от него принять благодеяние, но благодеяние это может принести ему вред. Я не приму от него, не приму потому, что он готов помочь мне с ущербом или даже с опасностью для самого себя. Он намерен защищать мой процесс, но благодаря такому покровительству можно приобрести себе врага в лице тирана⁵⁷. Я оказался бы (в отношении к нему) недругом, если бы, при выражении с его стороны желания подвергнуться из-за меня опасности, не стал бы стараться сам, без его помощи, выйти из своей опасности, что для меня было бы делом более легким. [4] Гекатон приводит следующий нелепый и необдуманный пример. Он указывает на Аркесилая, который, по его словам, не принял денег, предложенных ему сыном одного домохозяина (*filius familias*), не принял, дабы тот не оскорбил этим своего скупого отца. Что же Аркесилай сделал достойного похвалы? Что не принял краденого? Что предпочел лучше вовсе не принимать, чем возратить обратно? Какая, в самом деле, скромность отказаться от принятия чужой собственности? [5] Если же нужно привести в пример человека с великой душой, то воспользуемся примером Юлия Грецина⁵⁸, мужа достойного, которого кесарь Калигула умертвил за одно то, что тот был человеком более достойным, чем кто-либо мог быть таковым в интересах тирана. Приняв деньги, собранные его друзьями для издержки на зрелища, он не принял значительной суммы, присланной ему от Фабия Персия. Когда люди, обращающие внимание не на предлагающих, а на предлагаемое, укоряли его за то, что он отказался от этого подарка, Юлий ответил: «Приму ли я благодеяние от человека, от которого не могу принять заздравного тоста». [6] И когда консуляр Ребий, пользовавшийся столь же дурной славой, прислал ему еще большую сумму и убеждал принять ее, он ответил: «Прошу извинить меня, ибо я не принял и от Персия». Видя такую разборчивость, недоумеваешь, о приеме даров или о выборе сенаторов здесь идет дело!

Глава 22

[1] Когда мы решили принять благодеяние, то будем стараться быть веселыми, явно обнаруживая радость, и это должно быть очевидным для дающего, дабы он получал плод своих благодеяний в тот самый момент, когда давал. Ибо законна причина радости видеть своего друга радостным, но еще более законна — сделать его таким. Станем высказывать, не скрывая своих чувств, что благодеяние принято нами с благодарностью, и будем свидетельствовать об этом не только тогда, когда слушает сам благодетель, но и повсюду. Кто принял благодеяние с благодарностью, тот этим самым уплатил уже первое вознаграждение за него.

⁵⁶ Трое погибли от железа, один — от молнии.

⁵⁷ Примером может служить Цицерон, который после удачной защиты Росция Америна нашел себе врага в лице Хрисогона, равно и Суллы, вольноотпущенником которого был Росций. Вследствие этого, оставив Рим, Цицерон удалился в Азию. Подобным образом сам Сенека оскорбил Гая Калигулу, который едва не дал приказания умертвить его (см.: Dio Cass., 59, 19).

⁵⁸ Отец Юлия Агриколы, жизнь которого описал Тацит.

Глава 23

[1] Бывают люди, которые не желают принимать иначе как только тайно; они избегают всякого свидетеля и поверенного (в благодеянии); в таких лицах можно предполагать дурные намерения. Подобно тому как оказывающий благодеяние должен приводить его в известность, насколько это будет доставлять удовольствие тому, кому оно оказывается, так равно и принимающий (благодеяние) должен предать его всеобщей гласности. Не принимай того, в чем стыдно сознать себя должником. Иные приносят благодарность украдкой, в углу или на ухо. [2] Это не скромность, а своего рода неблагодарность. Кто приносит благодарность, удаляя свидетелей, тот человек неблагодарный. Иные не желают ни заключать долговых контрактов, ни допускать участия маклеров, ни приглашать свидетелей для приложения печати, ни давать расписки — подобным же образом поступают и люди, заботящиеся о том, чтобы оказанное им благодеяние оставалось, насколько возможно, в неизвестности. [3] Они боятся открыто приносить (благодарность) с целью прослыть более обязанными своей энергии, чем посторонней помощи. Они чересчур умеренны в исполнении своего долга в отношении к тем, кому обязаны жизнью или честью. Опасаясь прослыть клиентами (своих благодетелей), эти лица приобретают себе более неприятную репутацию людей неблагодарных.

Глава 24

[1] Иные наихудшим образом отзываются о самых важных услугах (оказанных им). Некоторых безопаснее бывает оскорбить, чем оказать им услугу: в своей ненависти они ищут доказательства того, что ничем не обязаны другим. Но ни о чем не следует так заботиться, как о том, чтобы твердо помнить оказанные нам услуги и время от времени возобновлять в себе это воспоминание, потому что кто не помнит (об этом), тот не может воздать благодарности, а кто помнит, тот уже тем самым приносит ее. [2] Не следует принимать благодеяний пренебрежительно, но не следует принимать их и подобострастно или униженно. Ибо кто бывает небрежен во время самого принятия дара, тогда как всякое новое благодеяние должно бы доставлять удовольствие, то что же он будет делать после того, как изгладится первое впечатление от этого благодеяния? Иной принимает (благодеяние) с презрительным видом, как бы говоря этим: [3] «Хотя я в этом и не нуждаюсь, но так как ты сильно того желаешь, то предоставлю себя в твое распоряжение». Иной принимает горделиво, так что у дающего остается сомнение, сознает ли он его благодеяние. А иной едва раскрывает рот и, таким образом, обнаруживает более неблагодарности, чем в том случае, если бы вовсе промолчал. [4] Надобно говорить с усердием тем большим, чем важнее предмет (благодеяния), и прибавлять при этом следующие слова: «Тебе обязано более людей, чем ты думаешь». Каждый ведь чувствует удовольствие, когда благодеяние его приобретает более широкую известность. «Ты не знаешь, что сделал для меня, но тебе надлежит знать, насколько это важнее того, чем ты сам предполагаешь». Кто таким образом возвышает цену своего долга, тот в это же самое время становится приятен (для своего благодетеля). «Я никогда не буду в состоянии воздать тебе благодарность, но, по крайней мере, не перестану всюду заявлять, что (ничем) не могу вознаградить тебя».

Глава 25

[1] Фурний ничем иным так не угодил Цезарю Августу и ничем иным не приобрел столь легкого доступа к испрошению его милостей, как при помощи тех слов, которые сказал, умоляя о помиловании своего отца, примкнувшего к партии Антония. «Ты, Цезарь, — сказал он, — обижаешь меня только тем, что заставляешь жить и умереть неблагодарным». Что иное столь свойственно благодарной душе, как не то, что она никак не может успокоиться, если не имеет даже надежды когда-нибудь вознаградить за оказанное ей благодеяние? [2] При помощи таких и подобного рода речей постараемся достигнуть того, чтобы наше расположение не оставалось скрытым, но обнаруживалось вовне и появлялось на свет. Можно обойтись и без слов: сознание проявится в выражении лица, коль скоро мы проникнуты надлежащим чувством. [3] Кто желает отблагодарить, тот помышляет о возвращении (благодеяния) уже в то самое время, когда (его) принимает. «Он, — говорит Хрисипп, — подобно предназначенному для состязания в беге и заключенному⁵⁹ (предварительно) в особое помещение (carcer), должен выжидать своего времени, чтобы, по

⁵⁹ *Carceres* — место в цирке, откуда скадиодроми (сороходы) начинали бег. Чиновники, заправлявшие играми, давали сигнал, отодвинув железные и деревянные запоры, задерживавшие сороходов, после чего сороходы выскакивали, причем выскочивший после старался догнать и опередить первого.